

9. *Родионов, М.* Миссия могильщика договоров Козака невыполнима? / М. Родионов. – Режим доступа: <http://www.smi.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
10. *Трецилин, В.* Вертикаль требует продолжения / В. Трецилин // Волга. – 2005. – 8 февраля.
11. *Туровский, Р. Ф.* Политическая регионалистика / Р. Ф. Туровский. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 780 с.
12. *Туровский, Р. Ф.* Размышления о региональной стратегии России / Р. Ф. Туровский. – Режим доступа: <http://regionalistica.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
13. *Фарушкин, М. Х.* Противоречия федерализации в России / М. Х. Фарушкин // Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006 / Российская ассоциация политической науки ; гл. ред. А. И. Соловьев. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 551 с.
14. *Черепанов, В. А.* О мониторинге правовых основ федеративной реформы / В. А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 5.

СТАТУС ГРАНИЦ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ В ПРИКАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

М.Ш. Джанталеева
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: Каспийский регион, геополитика, конфликт, территориальные разногласия, СНГ, международно-правовой статус.

Key words: Caspian region, geopolitics, conflict, territorial discords, the Commonwealth of Independent States (C.I.S.), international-legal status.

Распад СССР привел к кардинальным изменениям ситуации на евразийском пространстве. На месте территориальной общности, однородной в политическом, идеологическом, отчасти экономическом и культурном отношениях, возникли пятнадцать новых государств, большинство которых активно стремятся преодолеть зависимость от по-прежнему сковывающих их самостоятельность инфраструктурных, культурных и других элементов некогда общей системы. Одним из ключевых факторов структурной организации постсоветского пространства являются новые границы, которые из формальных административных разделительных линий превратились в важнейший атрибут государственного суверенитета, регулятор интенсивности самых разноплановых международных связей в регионе.

В результате дезинтеграции Советского Союза возникли 24 новые границы общей протяженностью более 24 тыс. километров, что составляет около 57 % от общей длины всех границ постсоветских государств, в т. ч. более 11 тыс. километров, т.е. около 56 %, длины границ России [4, с. 75].

Границы между новыми независимыми государствами являются важнейшими составляющими несущей конструкции региональной системы международных отношений на постсоветском пространстве. От характера и эффективности функционирования данных рубежей во многом зависит, будет ли упомянутая система состоять из стабильных, жизнеспособных государств, насколько она окажется устойчивой к таким новым вызовам, как контрабанда, нелегальная миграция, терроризм и т.п.; насколько устойчивыми окажутся связи между элементами вышеупомянутой системы. Речь идет либо о том, что новые пограничные зоны, оставаясь фильтром против нелегальных трансграничных потоков, станут районами стабильных и интенсивных международных контактов между сопредельными и другими государствами и, таким

образом, мостами сотрудничества между ними, либо о том, что постсоветские страны постепенно отгородятся друг от друга, удаляясь от соседей экономически, политически, культурно, и между ними образуется все менее преодолимый барьер, который может ассоциироваться с расползающимся оврагом.

Ключевыми для нового пограничья проблемами остаются прозрачность рубежей между подавляющим большинством бывших советских республик и во многих случаях сохраняющаяся неопределенность статуса границ. В предшествующий период эти границы рассматривались как формальные разделительные линии, проведенные для удобства административного управления, локальные изменения которых в ряде случаев могли совершаться на местном уровне, исходя из хозяйственных нужд. Превращение этих линий в важнейший атрибут государственного суверенитета потребовало четкой фиксации территориальных рамок действия последнего и становления обеспечивающего данный суверенитет пограничного режима. Сложная социально-экономическая ситуация и в ряде случаев неблагоприятная политическая конъюнктура мешают, однако, найти эффективное решение данных проблем, чреватых конфликтами между сопредельными государствами, усилением интенсивности нелегальной трансграничной активности.

Феномен прозрачности (или полупрозрачности) границы во многих случаях характерен для переходного периода, сопровождающегося либо ликвидацией внутренних рубежей интеграционного образования (например, ЕС) с одновременным укреплением его внешних границ, либо, напротив, дезинтеграция такого образования с постепенным оформлением границ внутренних и ослаблением внешних (СНГ). В любом случае для такого рода пограничных зон характерны фрагментарность пограничного контроля; достаточно либеральный правовой режим, регламентирующий пребывание граждан одной страны на территории соседнего государства; социокультурный фон (язык, общее культурное наследие и пр.), благодаря которому представители сопредельной страны в какой-то мере воспринимаются как «свои» и т.п.

Все это, казалось бы, создает благоприятные условия для сохранения прежних экономических, политических, социальных и культурных связей, развития трансграничного сотрудничества. Но в условиях постсоветского пространства ограниченная материальная и ресурсная база такого сотрудничества существенно понижает его эффективность, а несогласованность или недостаточная действенность политики обеспечения безопасности (в т.ч. внешних границ) стран бывшего СССР усиливает потребность в тщательной фильтрации трансграничных потоков, подталкивая соответствующие государства к разработке пограничной политики с выраженным акцентом на административно-силовое укрепление границ.

Претворение в жизнь того или иного сценария будет определяться целым комплексом процессов, происходящих в социальной, экономической, политической и других сферах на различных уровнях (глобальном, макрорегиональном, национальном, микрорегиональном, локальном). Принципиальным условием адекватности оценки является учет фактора многомерности рубежей, разделяющих политические, экономические, социокультурные системы соседних государств. Такие рубежи далеко не всегда совпадают друг с другом и с линиями прохождения государственных границ. Преобладающая их часть, как правило, приблизительно проходит именно в приграничной зоне, однако некоторые рубежи (менталитет, психологические барьеры и т.п.) могут не поддаваться четкой пространственной локализации, а в ряде отношений сама приграничная зона может рассматриваться как феномен (или система), имеющий самостоятельное по отношению к сопредельным государствам значение.

При всех многочисленных различиях ситуация в зонах новых постсоветских границ, ее рассмотрение в единых системных рамках имеет достаточно веское обоснование. Такое обоснование обусловлено общностью происхождения пограничных проблем, что, в свою очередь, объясняется как особенностями советского периода (во многом сходными принципами формирования границ, созданием по единому стандарту административных структур, ныне занятых вопросами обеспечения режима приграничных зон и т.п.), так и закономерностями периода постсоветского, включая

общие черты трансформации социально-экономических и социально-политических систем новых государств, современные вызовы и возможности глобальной и региональных систем международных отношений.

События прошлого порождают разногласия в наши дни, особенно, если спорная земля представляет интерес с экономической точки зрения: обладает богатыми недрами земли или шельфа, источниками воды, выходом к морю. Часто территориальные разногласия не переходят в стадию конфликта или делятся веками в скрытом состоянии.

В отношениях между государствами различают пограничные инциденты, территориальные разногласия, территориальные споры. Если объект (территория земли, участок границы) и предмет (применяемые правовые нормы) спора не совпадают, то подразумевается территориальное разногласие, а не спор. Частый случай территориального разногласия – вопрос о демаркации границ. Наличие спора подразумевает его признание сторонами. Простого заявления недостаточно для доказательства наличия спора.

Споры могут вестись по поводу принадлежности территории и по вопросу прохождения линии границы. Не сложившаяся атмосфера границы может послужить поводом для конфликтов в будущем.

При разрешении споров могут использоваться аргументы приобретательской давности (Россия не использует этот аргумент в случае захвата территории с помощью силы), эффективности владения (оккупации) – непрерывное и ненасильственное осуществление территориального верховенства хотя бы де-факто, а также обращается внимание на поведение спорящих сторон – длительность молчания может быть принята за согласие стороны и доктрину интертемпорального права – споры должны разрешаться согласно нормам права, существовавшего на момент возникновения правоотношения.

Территориальные разногласия могут носить государственный и региональный характер. Государственный уровень означает ведение переговоров, а региональный – существование недовольства в определенных общественных кругах, чаще всего представляющих интересы жителей приграничных областей.

Пограничные конфликты возникают по разным причинам: 1) по этническим причинам; 2) после политического разделения территорий по линии фронта; 3) как наследие колониального периода; 4) по религиозным причинам; 5) по экономическим причинам [5, с. 202].

В середине XIX в. Николай I объявил Каспийское море владением России. Сто лет спустя СССР и Иран заключили соглашение, согласно которому к Ирану отошли 11 процентов акватории Каспия, а остальное осталось за Советским Союзом. Современный Иран считает, что именно Соглашения с СССР от 1921 и 1940 гг. должны лечь в основу решения вопроса о правовом статусе Каспия [3, с. 84].

Ввиду богатства морских ресурсов регион лежит в поле интересов пяти стран: России, Ирана, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана.

Суверенные прикаспийские государства в одностороннем порядке заявили о своих правах на отдельные части Каспия и обозначили свои притязания на национальные участки Каспия [2, с. 3].

Все это стало предпосылками создания новых по содержанию и формам международных отношений прикаспийских государств. Начиная с 1992 г. ведется поиск предлогов, стимулов и мотивов формирования многосторонних отношений в вопросах статуса и режима использования Каспийского моря, что на практике означает принятие взаимоприемлемых решений по судоходству, рыболовству, охране и использованию биоресурсов, экологии и экономике, особенно в сфере использования гигантских ресурсов карбогидрогенов.

Изменившаяся геополитическая ситуация актуализировала вопрос о межгосударственной принадлежности Каспийского моря, а в этой связи и проблему определения международно-правового статуса. Все суверенные постсоветские прикаспийские государства, за исключением России, сразу же заявили, что не признают юридическую силу советско-иранской договорной базы (1921–1940 гг.) относительно Каспия. Традиционный статус бассейна входил в резкое противоречие с их националь-

ными интересами, ущемлял их законные права по владению соответствующими частями моря. Однако российские правоведы с такой позицией не соглашались. По их мнению, в рамках алма-атинской Декларации, принятой 21 декабря 1991 г., новые государства закрепили свое согласие признать в силе все договорные обязательства Советского Союза.

Международные отношения, складывающиеся в районе бассейна, и переговоры по проблемам Каспийского моря, особенно по поводу определения его международно-правового статуса условно можно разделить на три этапа.

Главным итогом сотрудничества прикаспийских государств на первом этапе (1991–1994 гг.) стало формирование условий, предпосылок и принципов взаимоотношений в деле становления нового международно-правового статуса Каспийского моря. Анализ всего этого процесса и представленных проектов соглашений, а также принятых на международных конференциях документов дает основание считать факт становления многостороннего сотрудничества по определению статуса Каспия состоявшимся, несмотря на неудачные промежуточные результаты и отсутствие согласованных международных позиций. Однако положительным было то, что прибрежные государства осознали, вольно или невольно, настоятельную необходимость в установлении нового положения в использовании Каспия.

Таким образом, первый этап заложил элементы противостояния и интриг в геополитической игре больших и малых, старых и новых государств Каспийского моря; это обстоятельство стало мотивом сотрудничества на следующем, втором этапе.

Второй этап межгосударственного сотрудничества прикаспийских государств на многосторонней основе, начавшийся сразу после 1994 г., можно назвать этапом испытания. Страны-участницы прошли серьезную проверку на выдержку, когда каждый призывал открыть очередные переговоры, преследуя скорее всего собственные интересы. В период с 1995 по 1999 гг. национальный эгоизм преобладал над конструктивизмом. Мотивы подходов к решению проблемы определения нового международно-правового статуса при этом не менялись, они были теми же, что и в первом этапе взаимодействия.

Ирану невыгодно было, чтобы находящиеся под боком государства ориентировались на Запад, и с помощью зарубежных инвестиций добились более высоких темпов развития. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан старались выжить во что бы то ни стало и освободиться от опеки бывшего «патрона». В рамках Ашхабадской (30 января – 2 февраля 1995 г.), Тегеранской (28–29 июня 1995 г.), Алматинской (26–27 сентября 1995 г.), Тегеранской (20–22 мая 1996 г.), Ашхабадской (11–12 ноября 1996 г.), Алматинской (22–23 мая 1997 г.), Московской (16–17 декабря 1998 г.) и др. конференций шла сложная, противоречивая борьба на фоне утверждения своей модели национального развития, политического мышления, завоевания экономического пространства и интегрирования в международные процессы, создания собственных рынков, распространения своей культуры и языка. Поэтому процесс определения международно-правового статуса Каспийского моря имел и продолжает иметь не столько юридический и экономический, сколько политический характер. Право служит лишь формой и поводом для противостояния. Данный этап сотрудничества, или скорее попыток сотрудничества, наглядно продемонстрировал, что проблема определения нового международно-правового статуса Каспия найдет свое решение не через правовое пространство, а в ходе выражения согласованной политической воли всех прикаспийских государств.

Пока Россия и Иран упорствовали в утверждении своих геополитических приоритетов, в бассейне Каспийского моря стали продвигаться крупные компании США, Великобритании, Норвегии, Франции, Италии, Турции, даже Японии. Китай тоже является потенциальным партнером, учитывая его попытки вкладывать инвестиции в промышленность Казахстана. Что касается Турции, то заключенное в рамках саммита ОБСЕ 2000 г. в Стамбуле соглашение о нефтепроводе Баку-Тбилиси-Джейхан актуализировало ее интересы [6, с. 6]. Основная нефть, если она потечет по этому маршруту, превращает Каспий не только в море пяти прибрежных государств, а в важ-

нейшую геостратегическую область и энергетический источник мирового значения. Все эти новации, происходящие в бассейне, откорректировали международные отношения в прикаспийском регионе. Россия сделала решительный шаг в сторону компромисса. Иран еще более последовательно стал отстаивать идею раздела Каспия на пять равных частей. Казахстан стал союзником России в новом подходе к Каспию, при котором его права на минеральные ресурсы Северного Каспия, наконец, были признаны.

Туркменистан втянулся в бессмысленный, и самое главное, бесперспективный конфликт с Азербайджаном.

Азербайджан, став «политическим и экономическим центром южного направления» евразийского пространства, заключил свои очередные контракты – к концу 1999 г. их было 19. Под эгидой ФАО (Всемирной Организации по сельскому хозяйству и продуктам питания) были согласованы также позиции по утверждению принципов охраны экологии Каспия [1, с. 2]. Однако следует признать, что сторонам еще предстоит обсудить немало принципов совместного и индивидуального действия в бассейне.

Главным достижением второго этапа сотрудничества стало подписание российско-казахстанского соглашения от 6 июля 1998 г. «О разграничении Северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование».

Начался третий этап переговоров прикаспийских государств по поводу определения статуса Каспия. По итогам переговоров в течение 2000 г. уже можно сделать определенные выводы. К сожалению, прикаспийские государства до сих пор не могут найти политическое решение по поводу принадлежности и использования Каспийского моря. Более того, стороны избрали блоковую политику. В настоящее время образовалось единство позиций у России, Казахстана и Азербайджана (позиция которого несколько отличается от первых двух по конкретным аспектам), с одной стороны, и у Ирана и Туркменистана, с другой. Между этими блоками и, соответственно, странами имеются серьезные расхождения в подходах определения международно-правового статуса Каспийского моря. В настоящее время в бассейне озера действует обычное право, интерпретируемое каждым прикаспийским государством на свой лад.

По мнению некоторых исследователей, к территориальным спорам по Каспию можно применять норму римского права, в частности, принцип «давности владения». По смыслу этого принципа, спорящие государства должны согласиться с тем положением, когда собственность оставляется за тем, кто до момента конфликта в течение долгого времени владел ею. Всем странам необходимо на официальном уровне признать Каспий пограничным озером, поделить его на секторы в соответствии с общемировой практикой, а затем уже определить общие сферы и интересы совместной деятельности (например, торговое судоходство, охрана окружающей среды и т.д.). Экономическая интеграция в бассейне Каспийского моря вместо конфронтации должна стать императивом национальных интересов прикаспийских государств. Исследователи считают, что прибрежным государствам целесообразно учредить международные специализированные организации по конкретным видам и сферам использования, например, по экологии или биоресурсам, либо по судоходству. Все свои споры прикаспийские государства должны решать мирным путем на основе действующего международного права, а при его отсутствии в соответствии с обычными нормами и договорной практикой других пограничных озер. Рано или поздно положения римского права станут императивом в межгосударственных отношениях прикаспийских стран.

Библиографический список

1. *Алиев, Н.* Некоторые размышления о нефтяном будущем / Н. Алиев // Бакинский рабочий. – 2000. – С. 23–31.
2. *Вардомский, Л. Б.* Внешнеэкономическая открытость и региональные процессы в России / Л. Б. Вардомский // Голос России. – 2000. – № 1 (8).
3. *Вардомский, Л. Б.* Государственные границы и региональное развитие: политико-географический аспект / Л. Б. Вардомский, И. И. Голицина, Е. Н. Самбурава // Политическая география : современное состояние и пути развития. – М., 2002. – С. 123–146.

4. *Гнатовская, Н. Б.* Статус Каспия и геоэкономические интересы России / Н. Б. Гнатовская // Экономика и политика России и государств Ближнего зарубежья. – М., 2001. – 123 с.
5. *Мамедов, Р.* Международно-правовой статус Каспийского моря : вчера, сегодня, завтра (Вопросы теории и практики). Ч. II. Становление международно-правового статуса Каспийского моря с древнейших времен до 1991 г. / Р. Мамедов // Центральная Азия и Кавказ. Общественно-политический журнал. – 2000. – № 3 (9). – С. 53–57.
6. *Романова, Л.* Стамбульский цейтнот Москвы. Подписание документов по проекту Баку-Джейхан усиливает влияние Вашингтона в Закавказье / Л. Романова, И. Максак // Независимая газета. – 1999. – С. 43–53.
7. *Современная* конфликтология в контексте культуры мира : мат-лы I Междунар. конгресса конфликтологов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 592 с.
8. *Этническая* ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2006 / под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. – М. : УОП ИЭА РАН, 2007. – 440 с.

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.А. Серапина
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: коррупция, власть, элита, чиновники, теневая политика, теневая экономика, лоббизм.

Key words: corruption, power, elite, officials, shadow policy, shadow economy, lobbyism.

История коррупции является самой неприятной и самой скандальной страницей политической истории любого государства. Ее расцвет свидетельствует об упадке системы государственного управления и моральном разложении тех лиц, которые были напротив призваны быть парадным лицом этого государства. Но история свидетельствует, что коррупция не всегда понималась обществом однозначно в негативном значении. В ее истории существует и вполне позитивные трактовки, которые не идут в контексте общих научных рассуждений о коррупции как абсолютно отрицательном явлении. У коррупции слишком много нюансов, чтобы можно было о ней говорить как об однозначно отрицательном или положительном явлении.

История коррупции в России относится к X в., когда по примеру Византии возникает институт «кормления» – древнерусский институт направления главой государства (князем) своих представителей (восвод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения. Предполагалось, что население региона будет «кормить» своего наместника. Последний обладал огромными полномочиями, и ясно, что население не скупилось на подношения. «Откормленные» воеводы, возвращаясь в столицу – Москву, везли с собой накопленное добро, «подарки», «излишки» которых изымались еще при въезде в «златоглавую» в пользу казны. Так возникала круговая порука взяточников провинциальных и столичных [16].

В средневековой России «кормления» воевод и присвоение ими платы за разрешение конфликтов считались обычным доходом служивых людей, наряду с жалованием из казны или получением поместий. Чем более централизованным являлось государство, тем более строго оно ограничивало самостоятельность граждан, провоцируя чиновников низшего и высшего звена к тайному нарушению закона в пользу подданных, желающих избавиться от строгого надзора и контроля общественности [12, с. 5]. Кормление было официально отменено в 1556 г., но традиция жить и богатеть за счет подданных фактически сохранилась надолго, быть может до настоящего времени. Не было недостатка в моральном и государственном осуждении взяточничества – в